

СОН В ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Сегодня вечером охрана
У стен кладбищенских с песка
Поднимет мёртвого Гуана
С беспечной струйкой у виска.
Так вас не молния убила?
Вас не живьём забрали в ад?
Как синь небес поголубила
Прощальный взгляд...
И зарыдают сеньориты,
И вспыхнет радостно сеньор,
И вытрет шпагу, словно бритву,
Неоскорблённый, неубитый,
Неистребимый командор.
И на закате небо ало,
Нигде ни шелеста травы...
Молве и песням веры мало.
Вы не убийца – я же знала!
Его рукой убиты вы.
Шуты, весёлые каналы,
Вы не умели жить всерьёз.
Вас командоры убивали,
Не замечая женских слёз.
Вас убивали командоры
За удаль этих гибких плеч,
За песни и за жён, которых
Бессильны были уберечь,

За бесшабашность буйных оргий,
За то, что шли на смерть шутя,
За то, что жизни путь недолгий
Как взлёт кометы, был блестящ.
И на песке холодном, зыбком
Теперь вас бросила судьба
С последней ангельской улыбкой
На жарких стынувших губах.
И не разбудит руки эти
Ни шпаги звон, ни трубный глас;
И эти кудри треплет ветер
В последний раз.

Мощёной улицей, босая,
Лечу к кладбищенской стене
И ветер пыль в лицо бросает
И что-то тихо шепчет мне.
Я складываю руки-крылья,
Склоняюсь, дыханье затая,
И говорю вам: «Вас убили.
А как же я?
Мой дон Гуан угас, как ветер,
С кровавой ранкой на челе.
Мне никогда его не встретить
На этой маленькой земле!
Вы знали женщин – мы так странны!
Я предпочла б, судьбину зля,
Быть тысячной у дон Гуана,
Чем быть одной у короля!»

ИЗОРА

Послушайте песню, как небо, седую –
Нет песни знакомей!
Купила красotka у старой колдуньи
Судьбу во флаконе.
Купила – и выпила б каплю за каплей,
Дрожа, как невеста,
Когда б не мелькнул тебе в свете закатном
Прекрасный маэстро.
И смерти не стало – лишь черные очи
При свете закатном,
Ах, к женскому сердцу молитвы короче
Пути музыканта!
Любовь музыканта – как черный Везувий,
Как тысяча лезвий!
И долго ли, коротко длилось безумье?
До самой болезни,
Когда поняла ты, что путь твой окончен,
И вместе с любовью
Ему подарила заветный флакончик –
Пойти за тобою.

Разверзлось бы небо от стольного Рима
До сонного Нила,
Когда бы ты знала, кому ты дарила
И что ты дарила!
Восстало бы сердце последней обидой,
Рубиновым валом, –
Когда бы ты знала, кого ты любила,
Когда бы ты знала,
Что сам не пригубит твое причащенье –
Другого напоит!
Но женское сердце – не камень, не щепень –
От веку слепое.
Но женское сердце – не камень, не щепень –
Не вовремя щедро,
Но женское сердце нашло бы прощенье,
Где нету прощенья.
Напрасно ждала ты за тем перевалом,
Страдая и веря...
Антонио – так ты его называла,
Подруга Сальери?

